

© 2024. С. С. Жданов

Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, Россия

**Пространственные образы
лиминального Юго-Запада Российской империи
(на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова)**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>*

Аннотация: В статье рассмотрены пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи, которые представлены в травелоге «Путевые записки по России» М. П. Жданова и включают в себя репрезентацию Харьковской, Екатеринославской (Новороссии), а также Полтавской, Киевской и Черниговской губерний (Малороссии). Описания этих трех локальных типов даны с точки зрения хозяйственной, исторической и повседневно-бытовой (в том числе образовательной) сфер. Выделены лейтмотивы новизны, дикости, неупорядоченности, малолюдности, проектности, которые характерны для изображения юго-западной России. В этом плане пространство Новороссии представлено прежде всего как степное, фронтальное и подлежащее колонизации. Киевский же топос характеризуется изменчивостью, сочетанием старого и нового элементов. Отмечены отличия ждановской рациональной манеры повествования от традиции репрезентации пространства «полуденной России».

Ключевые слова: М. П. Жданов, Украина, Новороссия, Малороссия, имагология, пространство, травелог, сентиментализм, русская литература.

Информация об авторе: Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, пр-т К. Маркса, д. 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, ул. Плеханова, д. 10, 630108 г. Новосибирск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 02.07.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Жданов С. С. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова) // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 30–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 30–63. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 30–63. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. **Sergey S. Zhdanov**

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia

Spatial Images of the Liminal South-West of the Russian Empire (Based on “Travel Notes Across Russia” by M. P. Zhdanov)

Acknowledgments: This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Abstract: The paper deals with spatial images of the liminal South-West of the Russian Empire that are presented in “Travel Notes across Russia” by M. P. Zhdanov and include a representation of Kharkiv, Ekaterinoslav (Novorossiia), as well as Poltava, Kyiv, and Chernihiv (Little Russia) provinces. The description of these three local types unfolds from the point of view of economic, historical, and everyday spheres (including education). The article highlights the core motifs of novelty, wildness, disorder, scarcity of people, and projectness typical for the southwestern Russia image. In this regard, the space of Novorossiia appears primarily as a steppe, a frontier, and a subject to colonization. At the same time, the Kyiv topos appears variable and combines old and new elements. The article emphasizes the differences between Zhdanov’s rational narration manner and the tradition of representing the “noonday Russia” space.

Keywords: M. P. Zhdanov, Ukraine, New Russia, Little Russia, imagology, space, travelogue, sentimentalism, Russian literature.

Information about the author: Sergey S. Zhdanov, DSc in Philology, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, K. Marx Ave., 20, 630073 Novosibirsk, Russia, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Plakhotnogo St., 10, 630108 Novosibirsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Received: May 10, 2024

Approved after reviewing: July 02, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Zhdanov, S. S. “Spatial Images of the Liminal South-West of the Russian Empire (Based on ‘Travel Notes Across Russia’ by M. P. Zhdanov)” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 30–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63>

Украинская образность, в том числе образность пространственная, представленная в русской литературе XIX в., не раз становилась объектом исследования в работах, имеющих то или иное отношение к литературоведческой имагологии. Среди них можно назвать диссертации И. Булкиной [Булкина] и Т. А. Васильевой [Васильева], монографии О. С. Крюковой [Крюкова] и А. В. Марчукова [Марчуков], а также статьи В. С. Киселевой и Т. А. Васильевой [Киселев, Васильева], О. В. Кублицкой [Кублицкая], А. А. Сторожевой [Сторожева]. Несмотря на это, проблематика репрезентации украинского пространства в русской литературе XIX в. еще имеет некоторое количество лагун, связанных с недостаточной исследованностью отечественных травелогов, в которых затрагивается тема маркированного украинскостью/малороссийскостью пространства.

Одним из таких малоисследованных текстов являются «Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской» М. П. Жданова. Данный текст эпизодически, наряду с травелогами иных авторов, упоминается в исследованиях Е. И. Анненковой, Д. Р. Гоперхоевой [Анненкова, Гоперхоева] и Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова [Милюгина, Строганов]. Кроме того, ждановские «Путевые записки...» послужили материалом для анализа образности Нижнего Новгорода в работе Е. И. Никаноровой [Никанорова]. Украинская же образность в этом тексте, насколько нам известно, ранее нигде не рассматривалась.

Итак, цель нашего исследования до некоторой степени созвучна идее Г. Башляра о составлении «кадастра утраченных ландшафтов» [Башляр: 31]. Она заключается в аналитическом описании имажи-

нально-географического пространства, относящегося к юго-западным границам Российской империи в тексте Жданова. Попутно заметим, что во избежание терминологической путаницы мы в дальнейшем не будем оперировать понятием украинскости, поскольку в рассматриваемом травелоге слово «Украина» нигде не упоминается. Вместо этого автор прибегает в своем пространственном описании к административному членению современной ему Российской империи, упоминая Харьковскую, Екатеринославскую, Полтавскую, Киевскую и Черниговскую губернии, а также феномены Малороссии и Новороссии. Соответственно, исходя из авторской логики, мы будем говорить о новороссийском, малороссийском и отдельно харьковском пространственных типах, включая их общие и различные характеристики. Кроме того, в ряде случаев мы прибегаем к сопоставлению ждановского текста с «Письмами из Малороссии» А. И. Левшина, гораздо более известным травелогом, являющимся одним из ключевых для русской словесности XIX в. относительно складывания украинской образности [Киселев, Васильева: 20–21].

Действительно, между этими двумя текстами есть достаточно много различий, как формальных, так и сущностных. Если левшинские «Письма...» сосредоточены практически исключительно на малороссийском пространстве, куда автором включены Киев, Полтавская и Черниговская губернии, то ждановский травелог при меньшем объеме связанного с нашей темой текстового фрагмента имеет бóльший пространственный «охват», объединяя, что указывалось выше, репрезентации Малороссии в составе Киева, Полтавщины и Черниговщины, как у Левшина, но также Новороссии (Екатеринославской губернии) и Харьковской губернии. Различны и нарративы травелогов. «Письма...» можно отнести к «просветительскому варианту сентиментального путешествия» [Киселев, Васильева: 22]. «Путевые записки...» же написаны в подчеркнуто фактографической, лишенной литературных изысков манере. Более того, в предисловии Жданов специально противопоставляет свой текст сентименталистскому, а также предромантическому/романтическому нарративам: «...не теряю надежды, что меня не поставят наравне с сочинителями сентиментальных или ужасных повестей...» [Жданов: III]. Природа нарративов во многом обуславливает и различия в предмете и характере описания имагинально-географических объектов. Левшина в изображении Малороссии прежде всего

интересует, во-первых, пространство исторической памяти, описываемое в возвышенной, патетической манере, о чем заявлено непосредственно во введении «Писем...» («Древняя История Российская давно возбуждала во мне желание видеть Малороссию, знаменитую многими великими происшествиями. Россиянину, думал я, непροститительно не быть в Киеве, не взглянуть на Полтаву, — и спешил осмотреть памятники славы предков наших»¹ [Левшин: I]), а во-вторых, пространство ахронной демиприродной (деревенской) идиллии («полуденной России»), связанное с аркадским мифом в его сентименталистской вариации и вообще образом изобильного «южного» пространства. При этом в левшинском травелоге также наличествует хозяйственная сфера малороссийского пространства, «рассредоточенная» в эпизодических авторских замечаниях по ходу повествования и в наибольшей степени сконцентрированная в последней («экономической») главе, которая по своему стилю и содержанию сильно контрастирует с сентименталистским нарративом основного текста, т. е. исторический и идиллический элементы у Левшина являются ядром репрезентации Малороссии, а хозяйственный (а также повседневно-бытовой) — периферией. Ровно наоборот устроено ждановское повествование, что автор определяет еще во вступлении: «...главнейшею целью, для которой мне случилось объехать в 1838 и потом в 1839 годах несколько губерний, было наблюдение за состоянием в нашем отечестве сельского хозяйства и в особенности садоводства, ...очень естественно, что и в записках моих я обратил наибольшее внимание на сии два предмета» [Жданов: II–III]. Здесь хозяйственная сфера составляет фокус описания, который дополняют «некоторые замечаниями о быте жителей наших уездных и губернских городов» и «несколько воспоминаний исторических» [Жданов: III]. Наконец, еще одним важным различием между текстами является степень «вовлеченности» авторов в юго-западное лиминальное пространство России. Хотя Левшин исходит, по С. В. Киселеву и Т. А. Васильевой, из «презюмции единства Украины и России» [Киселев, Васильева: 25], репрезентация Малороссии характеризуется частичной остраненностью описания, т. е. определенной степенью чужести малороссийскости по отношению к великороссийскости.

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация текстов Левшина и Жданова приближены к современным.

Жданов же в гораздо большей степени чувствует себя в лиминальном пространстве «как дома». Во-первых, насколько можно понять из текста, его дом буквально близок к Харьковской губернии, видимо, владения родителей находились в Курской губернии, часть территории которой (Белгородчина) исторически связаны с Харьковщиной в рамках территории условной Слобожанщины. Весьма характерным образом автор предваряет описание Харьковской губернии сценой заезда к родителям, где дома в деревне названы «хатами», а он сам определяет себя как «паньча» [Жданов: 95]. Также Жданов закончил Харьковский университет в 1832 г. [Автобиографический очерк...: 347] и приобрел в том же году землю в Новороссии, в Новомосковском уезде [Жданов: 129]).

Исходя из имманентного членения территорий в тексте, охарактеризуем каждую из них. Локус Харькова представлен тремя сферами, две из которых основные — образовательная и хозяйственная, а третья — повседневная — дополняющая в репрезентации. Образовательная сфера представлена локусами университета, пансионов и института благородных девиц, маркируемыми привлекательностью и значимостью в рамках российского Юга: «Здания Университета, Института... очень хороши. Харьков славится как средоточие образованности южной России. Сюда помещики привозят сыновей для определения в пансионы, Гимназию и Университет, малолетних дочерей в пансионы и Институт <...> Институт благородных девиц очень хвалят» [Жданов: 100–101]. Локус Харьковского университета охарактеризован новизной («Университет недавно основан (в 1805 году)») и особо выделен как место высокого (непровинциального) уровня обучения («Из заграницы выписаны были профессора, известные европейскою ученостью») и подготовки управленческих кадров для империи («...есть уже люди, из его воспитанников, занимающие важнейшие государственные должности — губернаторов, директоров, сенаторов» [Жданов: 101]). В то же время локус противопоставлен пространству столичного обучения: здесь, на своего рода фронтире, связи значат меньше, чем личные заслуги, поэтому «...молодые люди учатся здесь с большим прилежанием: они менее рассеяны, чем в столицах; сверх того, имея в виду, что на службе помогут им только их собственное знание и усердие, полагаются единственно на свои способности и дарования» [Жданов: 101].

Что касается хозяйственной сферы Харьковской губернии, то Жданов выделяет овцеводство, улучшению которого «харьковские помещики» уделяют «особенное внимание», «свеклосахарную промышленность» [Жданов: 102], развитие которой, по мысли автора, должно способствовать совершенствованию культуры потребления, когда «... русские и малороссийские поселяне будут употреблять сладкие напитки более, чем крепкую горелку», а также садоводство, находящееся здесь «в довольно хорошем состоянии» [Жданов: 103]. При этом репрезентации садоводства в тексте частично присущ мотив дикости, неупорядоченности: плодовые деревья встречаются не только в деми-природных локусах садов, но «груш, яблук, слив... много даже в диком состоянии, в лесах» [Жданов: 103]. Кроме того, острашению подвергается мотив южности¹ (благоприятного климата) для земель не только Харьковщины, но также Новороссии и даже Малороссии²: «...с некоторого времени климат южной России значительно изменился, сделался гораздо суровее. Многие жалуются на истребление морозами нежнейших садовых растений. До 1826 года в Харьковской губернии (в Изюмском уезде) разводились довольно большие виноградники, а ныне не только в этой губернии, но и в Екатеринославской виноград пропадает от морозов. <...> у одного помещика Славяносербского уезда замерзло в степи 150 овец; пастух едва остался жив» [Жданов: 103]. В целом как для харьковских, так и для екатеринославских не до конца освоенных в хозяйственном отношении земель характерен мотив становления/развития.

Наряду с Харьковом в пространстве губернии представлены топорсы Чугуева и Изюма. В рамках хозяйственной сферы они охарактеризованы прежде всего как локусы добычи «известкового камня для мощения улиц»: «Этот камень ломают в горах, между Чугуевым и Изюмом» [Жданов: 104]. Также сообщается о локусе горы в имении изюмского помещика, «в которой много блестящих камней», сравниваемых

¹ Сравним с левшинской характеристикой южной части Малороссии: «...на свободном воздухе зреют Испанские вишни, спелет шелковица и грецкие орехи, растут каштаны и виноград <...> Большею частью сады наполнены яблоками, сливами, грушами» [Левшин: 196–197].

² Так, описывая Яготин под Киевом, Жданов замечает, что в местном шелковичном саду «деревья много потерпели от зимы 1837 года» [Жданов: 148].

«с хорошими стразами или алансонскими камнями» [Жданов: 106]. Пространство Изюмского уезда описано и как южный демиприродный ландшафт, сходный мотивами изобилия, привлекательности с репрезентациями малороссийской деревенской идиллии, но описанный в гораздо более умеренных тонах, чем в сентименталистском нарративе: «Выехав из города, надобно подняться на крутую гору, с которой открываются превосходные виды <...> С левой стороны виден Донец, обширные пажити с тучными стадами, леса и несколько деревень, расположенных на горе; с правой — крутой обрыв, зеленый бархатный луг, а также в отдалении село с красивым господским домом. В Изюмском уезде некоторые помещики разводят виноград на горах, имеющих склон к югу» [Жданов: 105]. Топос же Славянска маркирован как место минеральных вод [Жданов: 105].

В рамках повседневной сферы Харьков охарактеризован амбивалентно. Так, «Харьков с северной стороны, ... не имеет хорошего вида» [Жданов: 99]; мотив привлекательности отрицается и относительно локусов местных лавок: «...если бы они были выстроены в одном месте на площади, могли бы служить украшением города; но в настоящем положении, разбросанные по разным местам, они не имеют особенно хорошего вида» [Жданов: 100]. С другой стороны, «с полтавской дороги» город «представляет живописную картину» [Жданов: 100]. Мотивом визуальной привлекательности маркированы ранее упоминаемые университет и институт, а также присутственные места, которые «очень хороши» [Жданов: 100]. Тот же мотив актуализирован в следующих характеристиках: «прекрасный вид на город», «красивые дома» [Жданов: 101]; большая аллея университетского сада «очень красива» [Жданов: 102]. Встречается в репрезентации Харькова и мотив масштабности, свойственный губернскому городу: «...большие каменные здания украшают улицы Московскую и Залопанскую, частью Сумскую и городскую площадь» [Жданов: 100]; «обширная площадь, за Харьковом (рекою)» [Жданов: 101]. Наконец, здесь отмечен мотив регулярности/упорядоченности урбанистического топоса: «Город расположен довольно правильно» [Жданов: 100]; ботанический сад, «правильно и хорошо расположенный» [Жданов: 102]. Рекреационный аспект харьковской повседневной сферы также амбивалентен. С одной стороны, он маркирован провинциальностью, когда общественная жизнь оживляется в основном во время ярмарок, на которые в том числе съезжаются

маргинальные элементы-шулера, желающие «пользоваться простотою степовичков» [Жданов: 100]. С другой — автор отмечает, что «В Харькове можно приятно жить; по крайней мере все способствует к тому: местопребывание генерал-губернатора, хорошее общество, ученые люди, артисты, театр, вблизи Чугуевские военные поселения, снабжающие собрания офицерами, и особливо дешевизна квартир и жизненных припасов» [Жданов: 104].

Описание маркированного армейскостью Чугуева («корпусная квартира здешних поселенных войск») в повседневной сфере мало отлично от репрезентации губернской столицы. За исключением, разумеется, мотива масштабности¹ Чугуев характеризуют мотивы привлекательности и упорядоченности: «очень красивый городок»; «дома хотя однообразны, но хорошей наружности»; «красивый мост»; «улицы проведены правильно» [Жданов: 104]. То же можно сказать и об описании Изюма («небольшой, но хорошенький городок», неподалеку от которого Северный Донец «красиво» извивается «в зеленых роскошных лугах») и Славянска («довольно обширное, хорошее местечко» [Жданов: 105]).

Своеобразным пограничным пунктом между Харьковщиной и Новороссией в тексте выступает город Бахмут. Его новороссийскость определена, с одной стороны, наличием элемента еврейскости («В первый раз мы увидели Евреев, потому что здесь уже Новороссия, в которой позволено им жить»), а с другой — иным, более удобным устройством почтового сообщения («такая исправность была для нас чрезвычайно приятна после непрерывных остановок на почтах Харьковской губернии» [Жданов: 106]). Последняя территория в этом плане отнесена к подмножеству «великороссийских замосковных губерний», от которых отлична Новороссия, «где прогоны платятся несколько более против, по 8 к. за лошадь на каждую версту» [Жданов: 107].

В повседневной сфере репрезентация Бахмута сходна с описанием Славянска: «отстроен хорошо, просторно» [Жданов: 106]. То же можно сказать и о лаконичных изображениях двух других уездных городов Екатеринославской губернии: «Павлоград и Новомосковск порядочно отстроены»; окрестности последнего «цветут баштанами (арбузные и тыквенные поля)» [Жданов: 124].

¹ Масштабностью в Чугуеве отмечен лишь военный локус: «Для корпусного начальника и штаба построено огромное здание» [Жданов: 105].

В связи с Новомосковском как хозяйственным пространством также упомянута местная ярмарка, «очень значительная, особенно по торговле скотом» [Жданов: 124]. Но в наибольшей степени данная сфера отражена в относящемся к Славяно-Сербскому уезду топосе Луганска, образ которого заслоняет образ уездного Славяно-Сербска, упоминаемого, но не описываемого в ждановском тексте. В рамках луганского пространства наибольшей значимостью для автора выступают локусы Луганского литейного завода и «луганской же образцовой фермы сельского хозяйства», учрежденной в 1820 году [Жданов: 110].

Репрезентация обоих локусов отличается рациональностью и функциональностью. По сути, единственной эстетической характеристикой литейного завода в тексте является упоминание, что он «красиво расположен на горе, при речке Луганке» [Жданов: 107]. Далее же следует описание межрегиональных экономических связей завода в рамках империи (из-за отсутствия железной руды «в здешнем крае» завод «снабжается сибирским чугуном, привозимым сюда гужом из Таганрога», а плавка осуществляется «каменным углем, который добывается в двух местах Донского края») и производимой продукции: «...преимущественно отливаются снаряды для черноморского Флота, как-то: ядра, картечи и систерны; кроме сего делаются печи, надгробные доски и другие вещи» [Жданов: 107]. Но и в изображение завода Жданов вносит столь близкую ему сельскохозяйственную тематику. Во-первых, подчеркивает, что здесь не делают столь необходимые для Новороссии косы, «один из предметов первой необходимости здешнего края», куда на «косовицу» приходит «множество народа» «из великороссийских и малороссийских губерний» «и при всем том не успевают скашивать всей травы» [Жданов: 108]. Это маркирует здешние земли, «степи новороссийские» (и донские) мотивами новизны, неосвоенности, сопротивляющейся антропному вмешательству дикости в гораздо большей степени, чем на территории Харьковщины: «На новых степях, где растет бурьян и трава деревьев, очень много ломают кос» [Жданов: 108]. Во-вторых, образ потенциального аграрного пространства, характеризующегося на современный момент неосвоенностью, актуализируется в связи с упоминанием бурения силами завода артезианского колодца: «Безводные степи... новороссийские возвысились бы по крайней-мере одну третью против настоящей ценности, если бы открыта была вода, годная хотя бы для пойла скота» [Жданов: 110].

Неосвоенным пространством является и локус реки Северный Донец. Лишь в 1838 г. по нему впервые для нужд завода открыли судоходство: «одна барка пришла из Таганрога с чугуном, а другая из Лисичьей балки (выше Славяносербска) с каменным углем», причем автором подчеркнуто, «что река очень засорена корчами и потому ход судов затруднителен» [Жданов: 123].

В еще большей мере образ фронта наложен на репрезентацию Новороссии в связи с описанием луганской казенной фермы. В частности, здесь актуализирован мотив колонизации, в том числе инонациональными силами. Так, ферма сначала была «отдана была в управление иностранному фермеру Стиссеру» [Жданов: 110], а потом передана «иностранцу Крестлингу»¹ [Жданов: 120]. Иностранность локуса луганской фермы подчеркнута и в образах применяемых здесь орудий труда: «Землевозделывание производится иностранными орудиями: магдебургским и бельгийским плугами, редко плугом изобретения Стиссера, экстириаторами, катками и боронами с железными гвоздями. <...> Телеги здесь употребляются большие, на высоких колесах (немецкие), в которые запрягают две и четыре лошади немецкою упряжью» [Жданов: 120]. Характерно и обращение во фронтальном пространстве

¹ Кроме того, в тексте упоминаются «немецкие поселенцы на Молочных Водах» (Таврической губернии), которые «развели большие сады от дерев, полученных из Екатеринославского сада» [Жданов: 128], а также «иностранцы поселенцы на Молочных Водах», выведшие «превосходные стада овец» [Жданов: 129]. Также иностранные поселенцы противопоставлены новороссийским помещикам: первые, в отличие от вторых, не пренебрегают шелководством, которое «доставляет» «большие выгоды» [Жданов: 130]. Отмечено и то, что локусы, заселенные «иностранцами» в Екатеринославской губернии, «представляют пример благоустроенных сельских общин» [Жданов: 126]. Впрочем, наряду с примерами освоения фронта иностранцами, травелог содержит в «сжатом» виде сюжет неудачи иностранца в России, как в лесковской «Железной воле»: Стиссер, «не знавший России, ни южного ее края в особенности», бросает ферму, не сделав ничего, за исключением «опытов разведения красильных растений», при этом насмешив «своею безобразною немецкою упряжью» «простодушных малороссиян, которые указывали на него пальцами» на ярмарках [Жданов: 121]. Наконец, образом иностранных поселенцев отмечен и Константиноград Полтавской губернии, где те занимаются «садоводством, мелкою фабричною промышленностью и торговлею» [Жданов: 134].

Новороссии к теме американскости, выраженной в образе новых сельскохозяйственных культур, которые должны разводиться на ферме — сортов американского табака: «Табак разводится здесь различных сортов, каковы: золотолиственный, виргинский, мариландский и другие, выписанные Министерством Финансов из Америки» [Жданов: 115]. Описание фермы подчеркнуто функционально и лишено даже тех минимальных черт идиллии, которыми отмечены пейзажные описания Харьковской губернии: дом для фермера, «для других чиновников — два флигеля, а для живущих здесь срочно крестьян — особые дома; кроме того, конюшни, сараи, амбары и прочие службы» [Жданов: 110]. По сути, пространство фермы изоморфно пространству завода в их цели освоения Новороссии, сформулированного в варианте фермы как «развести красильные и торговые растения, ввести лучшие способы земледелия и усовершенствованные земледельческие орудия» [Жданов: 110]. Далее Ждановым приводятся пространные (на несколько страниц) описания подлежащих выращиванию здесь сельхозкультур. При этом мотив дикости/неупорядоченности новороссийского пространства характеризует и сам локус луганской фермы: «...в настоящем положении Луганская образцовая ферма в отношении земледельческом ничего почти не имеет образцового» [Жданов: 110]. Кроме того, это актуализирует отрицание мотива культуры в ее исконном значении (как земледелия) в степном пространстве¹: «в Екатеринославской губернии еще рано думать о плодопеременных системах. Едва ли третья часть всех земель ее распаханна; остальная состоит из девственных степей, с которых часто не успевают скосить травы» [Жданов: 121]. Новороссия как фронт в ждановском тексте характеризуется также мотивами малонаселенности и неразвитости (наряду с земледелием) скотоводства: «Потребности этого края суть: увеличение народонаселения, усиление и улучшение скотоводства всех родов...» [Жданов: 121]. Новороссия здесь есть пространство в становлении,

¹ Аналогично новороссийские степи представлены в описании Лысой горы, находящейся «вверх по течению Донца»: «Я всходил на нее и наслаждался прекрасными видами: за рекою, где начинается земля Донских Козаков, разбросано несколько станиц (деревень); с других сторон только дикие, пространные степи» [Жданов: 124], т. е. Земля войска Донского в большей степени упорядоченное антропоное пространство, чем Новороссия.

проектное, по сути, имеющее потенциал развития, но до сих пор не реализовавшее их: «Екатеринославская губерния, находясь близ морей Черного и Азовского, имея климат благообразный, большое количество земли и в некоторых местах, каковы уезды Павлоградский и Новомосковский, отличного свойства глубокий чернозем, может достигнуть цветущего состояния в отношении сельского хозяйства» [Жданов: 129]. Как проектное пространство она выступает местом вложений капитала, извлечения больших прибылей: «Выгоды от различных отраслей домоводства привлекают туда капиталы в значительном количестве. Цена на земли возрастает неимоверно. <...> Капиталы, употребленные на приобретение меринсов, вырочались в два и три года...» [Жданов: 129].

Отличием в изображении губернского Екатеринослава от иных городских топосов Харьковской и Екатеринославской губернии является наличие пространства исторической памяти, которое закономерно маркировано эпохой Екатерины II. Историческая сфера воплощена в ряде локусов: стоящий на горе собор «на том месте, где Императрица... предполагала построить величественный, огромный храм», «простая пирамида» возле собора, надпись на которой отмечает место стоянки императорской кареты, а также «бывший Потемкинский дворец» [Жданов: 125]. Ждановское описание последнего напоминает левшинское изображение имени Румянцева-Задунайского в Ташани. Для обоих мест характерен мотив заброшенности, актуализирующий, в свою очередь, мотив бренности земной славы: «...полы сгнили, балки рушатся, штукатурка внешняя обвалилась, но внутренняя еще цела. В таком состоянии находится дом, принадлежавший некогда человеку, достигшему славы, почестей, богатства, едва только возможных для подданного. Суета сует и всяческая суета!»¹ [Жданов: 125]. При этом образ Потемкина выстроен как образ цивилизатора, упорядочивателя диких степных земель: «Потемкин, бывший Екатеринославским Генерал-Губернатором, сделал много пользы для здешнего края: безлюдные степи, где кочевали некоторые дикие орды Печенегов, Половцев, Татар, заселены при нем людьми, вышедши-

¹ Сравните с описанием ташанского «замка» у Левшина: «...одна половина обращена пожаром в груды камней, а другая приближается к своему разрушению. Двор зарос дикою травой <...> везде видимы были следы времени; все возвещало скорое падение последних остатков сего величественного здания» [Левшин: 36–37].

ми из других губерний и иностранцами» [Жданов: 126].

Наиболее же упорядоченным локусом Екатеринослава выступает казенный сад, где наблюдается «отличный порядок»; «в куртинах правильно насажены разные плодовые деревья», а кусты «ровно» подстрижены [Жданов: 126]. Источником упорядочивания выступает *genius loci*, «садовник, иностранец Гуммель, страстный любитель природы», который «употребил половину лет жизни своей (около тридцати лет) на приведение его в настоящее положение» [Жданов: 126]. Наряду с упорядоченностью, сад маркирован мотивами масштабности и чистоты: «Широкие и длинные дороги... содержатся в чистоте...» [Жданов: 126]; «Все питомники очищены от травы...» [Жданов: 127]. При этом пространство сада — это место не сенсуалистских наслаждений в рамках сентименталистского нарратива, а торжествующей рациональности, подобное луганской ферме: сад совершенствуется по намеченному тридцать лет назад плану, а также является местом науки (опытов по селекции растений) и извлечения прибыли: «...Екатеринославский же содержится собственными средствами. При Гуммеле продано из этого сада разных плодовых деревьев до трехсот тысяч; кроме сего, продажа плодов приносит также значительный доход» [Жданов: 128].

За исключением локуса сада повседневная сфера Екатеринослава описана весьма скупо, ограничивается лаконичным изображением «большой, широкой улицы» и домов на ней: «частный, в котором помещаются присутственные места, начальника губернии, казенной палаты, дворец и другие» [Жданов: 125]. Пространство Екатеринослава отличается тихой провинциальностью по сравнению с Харьковом, где есть места и для образования, и для развлечения: «В Екатеринославле живут только служащие чиновники, немногие купцы и Еврей-ремесленники. Квартиры недорого, продовольствие дешево; на рынке насыпаны кучи тыкв, арбузов, дынь, яблок, груш и слив» [Жданов: 129].

Кроме того, в пространстве Екатеринославской губернии Ждановым даны две бытовые сценки, относящиеся к усадебным локусам. Первая — это сцена свадьбы, свидетельствующая об известной фронтальной простоте местных обычаев. Причем основным местом торжеств выступает не дом, где не могут поместиться все гости, а специально построенный «на скорую руку сарай», завешанный «древесными ветвями», с особой «отгородкой для музыкантов» [Жданов: 130]. По окончании свадьбы гости помещаются в «особых квартирах», локус

которых отмечен как специфически малороссийский и новороссийский: «Как при большом съезде нельзя поместить всех в дом, то для сего очищают несколько дворовых или крестьянских изб» [Жданов: 131]. Впрочем, несмотря на простоту, автором зафиксирован и налет цивилизации: «уездные барышни» имеют любезные манеры, хорошо танцуют, а некоторые даже говорят по-французски, что есть влияние цивилизаторских центров — «Харьковских и Екатеринославских пансионов» [Жданов: 131]. Вторая сцена провинциальных нравов связана с катанием на лодке по реке Орели. В целом оно описано достаточно безыскусно, в фактографическом духе всего травелога: «Отплыв версты две, мы вышли на берег, гуляли по шелковой траве, бегали, играли. Закипел самовар; хозяйка разлила чай, потом вместе с другими подружками сделала вареники, и мы все, расположившись на ковре, пили, ели, шумели и пели песни» [Жданов: 132]. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что это одно из немногих мест в рассматриваемом нами фрагменте ждановского текста, где нарратор вводит в пейзажное изображение элементы ониризма, ярко эмоционально окрашенного: «Близ нас страшно пылал костер, вечерний мрак возбуждал воображение: мы представляли разные картины — разбойников, кочующих диких народов¹ и т. п. Возвращались мы уже при лунном свете: месяц любовался собою в чистых водах Орели, деревья являли свою тенью какие-то привидения...» [Жданов: 132].

Выше говорилось, что за исключением Екатеринослава пространства Харьковской и Екатеринославской губерний практически полностью лишены описаний исторического пространства. Обратную картину мы наблюдаем в ждановском изображении Малороссии. Показательна в этом плане репрезентация лиминального (по отношению к Новороссии) Константиноградского уезда Полтавской губернии, который в современном своем виде мало чем отличим от новороссийского степного фронта и характеризуется малолюдством и неосвоенностью: «Въезжая в Полтавскую губернию Константиноградским уездом, нельзя думать, чтобы эта губерния была одна из многолуднейших в России. Здесь еще много обширных степей, нетронутых плугом или сохой...» [Жданов: 133]. Тем не менее, город Константиноград связан с

¹ Отметим, что и в онирической сфере новороссийскому лиминальному пространству свойственны черты маргинальности, дикости (образы «разбойников, кочующих диких народов»).

пространством исторической памяти. Это не обычный уездный топос, но бывший «губернский город», маркированное фигурой Петра I¹ место, имевшее «славу», которая «по учреждении губерний Харьковской и Полтавской» «померкла» [Жданов: 133].

«Петровскими» топосами Полтавщины также выступают Лубны и, разумеется, сама Полтава. Если Левшин связывает историческое пространство Лубен с древнерусским хронотопом, маркированным «славной победой над половцами» в 1107 г. [Левшин: 22], то для Жданова это место, которое было определено Петром как «рассадник аптекарских растений», где «донные существует» аптекарский сад, в котором «заготовляется большое количество врачебных припасов для военных аптек»² [Жданов: 146]. Также выделен локус дома, «в котором была аптека, учрежденная Императором Петром I», и сохранились «сосуды с царским гербом» и «изразцовая печь» [Жданов: 146].

Образ Петра, очевидно, имеет для автора особое значение, что наглядно демонстрирует описание Полтавы, отличающееся значительной (по сравнению с остальным рассматриваемым текстовым фрагментом) эмоциональностью, приближающейся по уровню исторического пафоса к левшинскому тексту, что подчеркнуто, например, использованием трех подряд восклицательных предложений, вводящих читателя в «полтавский» текст: «Полтава и Петр! Видишь Полтаву, думаешь о Петре! Вот Шведская могила, свидетельница грозной битвы!» [Жданов: 136]. Масштабность могильного локуса подчеркивает значимость

¹ Как представляется, Жданов здесь допускает историческую неточность. Автор выделяет в пространстве Константинограда локус Белевской крепости, сохранившейся в его время в виде «высоких валов», и «донные» существующего сада, разведенного возле нее по приказу «Петра Великого» [Жданов: 133]. Но, насколько нам известно, решение о строительстве Украинской линии, частью которой была Белевская крепость (начало возведения — 1731 г.), было принято по указу Военной коллегии в 1830 г., тогда как Петр умер в 1725 г. Характеристика садового локуса Константинограда в тексте отличается амбивалентностью: с одной стороны, он наделен положительными чертами «живописного вида» и «очень хорошего местоположения», с другой — маркирован неупорядоченностью: «Ныне сад в большом беспорядке: не огорожен, не вычищен» [Жданов: 134].

² Левшин с Петром аптекарский локус не связывает, сообщая лишь об «огромной аптеке», доставляющей «лекарства на армию» и «заведенных при ней обширных ботанических садах» [Левшин: 23].

связанных с ним исторических событий, он также маркирован традиционным образом последнего приюта, объединяющим бывших противников: «И теперь она высока, до семи сажень; но что было сто тридцать лет тому назад? Сколько трупов скрывает в себе этот безмолвный кров? сколько Русских, сколько Шведов?» [Жданов: 136]. Более того, репрезентация Полтавы приближена, насколько это возможно для ждановского текста, к сентименталистскому нарративу в сцене молитвы нарратора на могиле: «Молитву и я произнес, пав к воздвигнутому на могиле кресту, и молитва моя была от глубины души; невольно капнувшая слеза подкрепила ее» [Жданов: 136]. Этой же чувствительностью характеризуется и описание надписи на кресте, оставленной Петром, образ которого связан с мифопоэтикой и получает божественный (в общем-то нехристианский) статус: «Что написано на кресте, обитом железными листами, чьи слова, чьи мысли? Его, его, нежного, сердобольного, самоотверженного Петра!»; «А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ваше!»; «Как не обожать этого земного бога, как не сожалеть о преждевременной кончине его?» [Жданов: 136].

Помимо могилы, Жданов выделяет иные «петровские» локусы Полтавы: место «близ леса, прилегающего к монастырю», где располагалась шведская артиллерия, левая сторона Зеньковской дороги, место расположения русской артиллерии, мельница, «из которой Карл XII, во время сражения, посылал приказания», «маленький домик», в котором отдыхал «по окончании битвы Царь Петр» и «на месте коего, для памяти, поставлена каменная, простая пирамида», а также очень ветхая на момент написания текста «церковь Спаса», где Петр «благодарил Всевышнего за одержанную победу» [Жданов: 137]. Все эти локусы петровской эпохи обладают особой значимостью для автора и представляют собой медиационное пространство, где сливаются прошлое, настоящее и будущее: «Старые памятники более занимательны, более любопытны, чем новые. Самые развалины, обломки, поросшая трава, мох — увеличивают красоту их: рождая думы о давно прошедшем, они погружают в мечты о будущем» [Жданов: 137–138].

Данная значимость истории актуализирует в тексте ocasionальную и до некоторой степени «тавтологическую» оппозицию «петровские локусы петровской эпохи — петровский локус александровской эпохи». Речь идет о противопоставлении в авторском сознании более

древних (и, соответственно, более исторических) мест относительно новому памятнику полтавской битве, сооруженному при Александре I: «Я с бóльшим удовольствием смотрел на церковь Спаса, на пирамиду, чем на новый памятник, воздвигнутый на... не могу сказать прямо, где, прежде на площади, а ныне в цветнике, в саду или в лесу, как вам угодно. Действительно, увидев памятник, вы не можете без объяснения сказать, где он стоит» [Жданов: 138]. Неопределенность положения снижает образ памятника, который тем более остранен, поскольку ослаблена его основная функция — служить визуальным напоминанием об историческом событии: памятник, частично загороженный кустарниками и «высокими тополями», можно видеть только из одного положения, «с других же сторон, за деревьями, он не заметен» [Жданов: 138]. При этом описание исторического артефакта нейтрально: «Памятник состоит из пьедестала и колонны, на которой парящий орел держит лавровый венок. Вокруг памятника железная ограда; изпод нее выдаются жерлами взятые у Шведов пушки» [Жданов: 138]. Заметим, что некоторая амбивалентность образа данного памятника присутствует и в левшинском тексте, где значимость локуса противопоставлена его внешнему виду: «Обелиск прекрасный и отделан очень хорошо; но памятник великих дел, долженствующий в роды родов возвещать славу России и мужество верных сынов ее, должен быть сам по себе величествен. К сожалению, в нем этого недостает» [Левшин: 4–5].

В целом ждановская репрезентация Полтавы отмечена амбивалентностью. С одной стороны, пейзажные демиприродные панорамы города с акцентом на его визуальную привлекательность приближаются к образцам сентименталистской идиллии: «Полтава лежит на высоком берегу реки Ворсклы. Маленькие домики, разбросанные по покатости, и зеленеющие между ними сады представляют живописные виды. Величественный, отдельно стоящий на крутой горе монастырь и великолепный дом Института благородных девиц рисуются в противоположных сторонах города» [Жданов: 139]. Также отмечены удачное монастырское расположение, с которого можно «наслаждаться превосходною панорамною», и «единственное местоположение» и «несравненные, чудесные виды» институтского сада¹ [Жданов: 139]:

¹ Полтавский сад при училище садоводства описан иначе. Акцент сделан не на идилличность, а на функциональность, характерную в целом для описаний демиприродных локусов в ждановском тексте: «Сад... раз-

«Ворскла с небольшими озерами и заливами, песчаники, зелень лугов, разнообразные леса, деревни, мост чрез реку, дорога на Харьков, тихо движущиеся по ней ленивые малороссийские обозы; внизу на отлогости пригородные хижины, налево монастырь, направо самая высокая над Ворсклою Булановская гора, покрытая лесами...: это одно из лучших местоположений, какие только можно встретить» [Жданов: 139]. С другой стороны, в описании «лучших казенных зданий города» «хорошей архитектуры», «каковы: дома генерал-губернатора, гражданского губернатора, присутственных мест, полиции, гимназии, дворянского собрания и кадетского корпуса», мотив их визуальной привлекательности ослаблен: «Все эти строения..., стесненные в одном месте и закрытые высокими деревьями, ...не имеют никакого вида. Подъезжая к городу с заречной стороны, вы их совсем не видите, с других сторон представляются только задние их части» [Жданов: 138]. Также повседневная сторона образа Полтавы отмечена глубокой провинциальностью и скукой: «Частных больших домов в Полтаве нет, и квартиры, особенно большие, чрезвычайно дороги... Помещики¹ здесь не живут и общество состоит из одних служащих» [Жданов: 141–142]; ярмарка «весьма обыкновенна» [Жданов: 142]; «В Полтаве... скучно жить, особенно молодым людям...» [Жданов: 145–146].

Из «непетровских» топосов упомянут замечательный «историческими воспоминаниями» Переяславль, связанный, как и у Левшина, с древнерусскими сюжетами борьбы с печенегами и половцами (в том числе, поединка неназванного по имени Усмошвеца), а также злодеяний Святополка: «По Трубежу некогда кочевали Печенеги и Половцы; здесь же наш малорослый Русский в поединке с Печенегом-великаном

деляется на старый и на вновь разведенный. Первый служит преимущественно для гулянья жителей, а во втором разводятся виноград, плодовые деревья, кустарники, цветы, арбузы, дыни и огородные овощи. <...> Отсюда помещики и другие владельцы садов могут получать по самым дешевым ценам окулированные деревца» [Жданов: 140–141].

1 При этом местная элита («общество дворян Полтавской губернии») отмечена мотивом «любви к просвещению», что воплощено в локусах Института и Кадетского корпуса [Жданов: 142]. Также, наряду с училищем садоводства, в Полтаве упомянута «школа чистописцев» «для бедных сирот», которые «по окончании курса учения отсылаются в присутственные места отдаленных губерний» [Жданов: 141].

решил дело в пользу Владимира. На берегу Альты совершилось убийство набожного Бориса, по приказанию злодея Святополка, и там же разбиты потом нанятые Святополком Печенегии...» [Жданов: 147].

Среди «неисторических», по Жданову, топосов Полтавщины выделено селение Карловка (имение графини Разумовской), охарактеризованное мотивом упорядоченности: «Имение это можно считать образцовым по введенному порядку и устройству во всех частях сельского хозяйства. Здесь поселяне живут в довольстве, дома их хорошо отстроены и при многих находятся садики» [Жданов: 134]. Мотивами упорядоченности и визуальной привлекательности маркировано и селцо Отрада¹, между Пирятиным и Переяславлем, «принадлежащее генералу Селецкому»: «Тополевая аллея привела меня к прекрасному дому <...> Сад в отличном порядке, строения прочны, красивы...» [Жданов: 147]. Практически «пусты» в семиотическом смысле топосы полтавских городов Хороля и Пирятина. Про первый сказано, что он «красиво» расположен на берегу незначительной речки², и большее внимание уделено находящемуся в его окрестностях «прекрасному селению Вешняки, принадлежащему г. Оболенскому, с хорошим господским домом», т. е. описывается локус, аналогичный Карловке и Отраде: «Дома поселян, окруженные садами, построены однообразно, просто и с большими окнами» [Жданов: 147]. Пирятин и вовсе лаконично описан как «незначительный городок» [Жданов: 147].

В репрезентации Киевской губернии наибольшее место, разумеется, занимает образ Киева. Из прочих киевских топосов, помимо

1 Закономерно, что отбор локусов, достойных описания, определяется установкой автора на упорядоченное и отличающееся роскошью пространство. Заметим здесь, что число таких локусов-имений возрастает в Малороссии как более освоенном топосе по сравнению с Новоросси-ей. Еще одним таким дворянским имением является Яготин в Киевской губернии, ранее принадлежавшее графу Разумовскому, а затем княгине Репниной, где нарратор подмечает «прекрасный, великолепный» «господский дом» с множеством «картин отличных итальянских художников» и «довольно великий» по размерам шелковичный сад [Жданов: 148].

2 В отличие от ждановского текста, в левшинском травелогe Хороля характеризуется наличием пространства исторической памяти, связан с древнерусской историей как пограничный пункт, отделявший русских от половцев [Левшин: 15].

Ягодина, упомянут, но не описан, как и у Левшина, Борисполь, проезжаемый путешественником по дороге в столицу губернии, т. е. речь идет о локусе дороги. Отсюда нарратор впервые видит Киев, представленный одним и наиболее значимых своих локусов — колокольней Киево-Печерской лавры: «Проехав от м. Борисполя верст десять, я увидел слева золотую главу¹, блестящую в лазурной синеве за вершинами деревьев» [Жданов: 148]. Чуть большее внимание уделено дороге через Бровары, благодаря культурному бэкграунду, семиотической значимости этого места как медиационного по отношению к Киеву, куда стремились богомольцы. Здесь следует отметить три момента. Во-первых, это еще большее приближение к Киевской лавре как господствующего над прочей территорией значимого локуса, места чаяний: «По мере приближения к Броварам, последней станции, показались и все золотые главы этой церкви. Как величественно возвышается колокольня среди группы золотых глав! Она владычествует над всею окрестностью! Чудесный вид!» [Жданов: 149]. Во-вторых, это остраненный образ броварских песков как тягостного пути, преодолеваемого, чтобы попасть в сакральный город. Этот образ мы встречаем у того же Левшина: «Мечтания мои [о древнем Киеве – авт.] исчезли, когда я увидел, что лошади не только не могли нас мчать; но вытянув шеи, едва тащились по глубокому песку, между ужасными соснами, может быть, современными миру» [Левшин: 87]. Жданов же описывает пространство броварских песков не как дикое/древнее, но новое/упорядоченное: «Я думал уже о скуке наступающей дороги глубокими песками, о которых так много говорят богомолки. Как же велико было удивление мое, когда вдруг карста наша покатила по гладкой дороге, убитой щебнем, одним словом: по шоссе! <...> Радуйтесь, богомольцы, ... не бойтесь Броварских песков, — они остались по сторонам дороги!» [Жданов: 149]. В-третьих, автор отрицает образ

¹ В левшинском травелоге описание этого локуса отмечено крайней эмоциональностью: «...мы увидели Киев; увидели — и изумились величественным зрелищем высокой и крутой горы, на которой посреди многих златоглавых церквей и едва видимого в отдалении города, возвышался ужаснейшей величины колосс, блистающая вершина коего, казалось, была сокрыта в облаках» [Левшин: 85]. Вообще, «утренний пейзаж с видом на Лаврскую колокольню» есть «канонический зачин киевского путешествия-паломничества» [Булкина: 48].

маргинальных, разбойничьих Бровар¹, связанный с локусом дикого леса: «Не бойтесь также разбойников, живших в дремучих Броварских лесах, — теперь эти леса превратились почти в кустарники, в которых и дикого зверя не найдешь» [Жданов: 149]. Впрочем, упорядоченность локуса киевской дороги не является полной. Это, как и Новороссия, пространство в становлении, долженствующее восторжествовать над дикостью в будущем: «Шоссе доведено почти до Днепра, чрез который прямо построится мост, и дорога поведет в гору <...> мы должны были повернуть с шоссе... и познакомиться со старыми песками» [Жданов: 149].

Мотив обновления затрагивает и само пространство Киева. Если Левшин противопоставляя древний Киев, величественный образ которого сформировался в его сознании до посещения прежней столицы, современности, не дотягивающей до него («Я видел весь Киев, и... красота его нисколько не соответствует прежнему величию, что нынешний Киев нельзя сравнить с древним» [Левшин: 94–95]), то Жданов показывает город обновляющимся: «В городе видна необыкновенная деятельность; много строится казенных и частных зданий» [Жданов: 150]; «строится Университет — огромное здание! <...> Расположение Киева во многом изменяется: Печерская часть... совсем уничтожается; множество новых домов строят по горам, прилегающим к Крещатику и в Старом городе, до сего времени совершенно оставленном» [Жданов: 160]; «в последние годы... город чрезвычайно улучшился: срыты во многих местах горы, проведены правильные улицы и построено довольно хороших домов» [Жданов: 161]. При этом образ генерал-губернатора графа Левашова определен как основной центр киевских преобразований. Из негативных последствий автором отмечена обусловленная масштабным строительством дороговизна киевской жизни. Новый Киев противопоставлен провинциально-тихому Киеву недавнего прошлого, который «славился дешевизною и удобствами к жизни, так что множество старичков, живущих пенсией, поселились здесь, желая провести остаток дней своих под кровом святыни» [Жданов: 161].

Как и Левшин, Жданов не обходит стороной сакральное пространство Киева, представленное различными церквями и Киево-Печер-

¹ В левшинском тексте Бровары связаны с мотивом *memento mori*: здесь нарратора и его спутника чуть не застрелили в ночи из пистолета.

ской лаврой. Закономерна и актуализация в священном пространстве мотива любви к отеческим гробам: Никольская церковь маркируется «могилой Аскольдовой» [Жданов: 149]; Успенский собор — «мощами св. Владимира» [Жданов: 154]; церковь Великомученицы Варвары — «мощами ее» [Жданов: 157]; Десятинная церковь¹ — захоронениями Владимира с супругой и св. Ольги, «гробами священными», истребленными «во времена Батя» [Жданов: 157]; Софийский собор — «гробницей Ярослава» [Жданов: 160]. Особо выделена Киево-Печерская лавра как «святыня России», «монастырь первоклассный, древнейший по происхождению» [Жданов: 150]. При этом ее смысловым центром выведены «пещерах Св. Антония и Св. Феодосия» в качестве наиболее значимых для русской культуры локусов, общеизвестных по «рассказам тетюшек, бабушек» «в детстве» чуть ли не каждого россиянина [Жданов: 151]. Автор достаточно подробно описывает как устройство пещер, похожих «на правильные горные шахты», так и обряд поклонения мощам святых угодников, помещенных в гробницы «в ственных углублениях» [Жданов: 151]. При этом, в отличие от Левшина, Жданов не утруждает себя наименованием большей части мощей, замечая лишь, что «в обеих пещерах считается до 150 угодников», и упоминая особо только «преподобного Нестора, древнейшего нашего летописца», и «Илью Муромца, славного богатыря своего времени, окончившего жизнь в монашестве» [Жданов: 153]. Отсутствие мощей Св. Антония и Феодосия объясняется ссылкой на легенду о взятии их на небо. В целом описание локуса пещер в ждановском тексте более отстраненное и рациональное (не сравнить с изображением «петровских» мест в Полтаве). Автор даже приводит маргинальную версию возникновения пещер², ставших основой лавры, что вряд ли можно представить

1 Обновлению подвергается и локус Десятинной церкви, причем повторно (первое произведено Петром Могилой). Если во время посещения Киева Левшиным храм был разрушен, то на момент ждановского визита церковь подверглась «возобновлению», благодаря «курскому помещику Анненкову, пожертвовавшему для сего до двухсот тысяч рублей» [Жданов: 159], «в наружной отделке уже кончена» [Жданов: 158].

2 Помимо маргинального образа разбойничьего Киева, связанного также с вышеупомянутыми Броварами, монолитность православного киевского пространства нарушает упоминание «великолепного, построенного в новейшем вкусе католического костела» [Жданов: 157].

в пространстве сакрального Киева в тексте Левшина: «Народное предание гласит, что здесь в древние времена жили разбойники, которые и ископали видимые ныне пещеры. Это весьма правдоподобно», т.е. эта версия фактически уравнивается с версией о пещерах, «ископаемых в горе отшельниками» во времена княжения Изяслава [Жданов: 153]. К этой же эпохе Жданов относит и первоначальное построение церкви Андрея Первозванного, связанное с сюжетом явления апостола на киевские земли: храм «стоит на самой вершине горы, господствующей над Подолом, той самой горы, где некогда св. Первозванный Апостол водрузил животворящий крест, предсказав будущую славу нашей древней столицы» [Жданов: 157–158].

Несколько большей эмоциональностью проникнуто описание еще одного сакрального локуса киевского пространства — Крещатика: «Знаете ли, друзья мои, где я тогда был, на каком священном месте? Я был на месте, где Владимир крестил Киевлян в Православную Греческую Веру!» [Жданов: 156]. Это событие воплощает построенная в 1802 г. киевлянам и часовня с почитательной надписью «Владимиру Святому, просветившему Россию» и образами «Спасителя — резной, св. Ольги, Св. Владимира, Бориса и Глеба» вокруг «колодезя» [Жданов: 156]. Данный локус провоцирует переход нарратора в онирическое пространство, описанное, впрочем, без подробностей.

Попутно отметим, что Ждановым, снова в отличие от Левшина, пространство исторической памяти в рамках киевского топоса ограничено временем Древней Руси, с которым связаны все антропные образы исторической сферы, кроме Петра Могилы. Более того, в ждановском Киеве фактически отсутствуют маркеры не только доимперской, но и недавней имперской истории XVIII в. Если Левшин перечисляет подарки российских императоров и Шереметьева киевским церквям, особо выделяя локусы могил Румянцева-Задунайского, а также Кочубея и Искры, то автор «Путевых записок...» данный темпоральный слой просто игнорирует. Зато упоминаются локусы Вышгородской горы, где «процветал некогда прекрасный Вышгород, который Ольга как невеста Великого Князя получила от героя Олега в вено» [Жданов: 155], и «речки Лыбеди, названной «по имени сестры Кия, Щека и Хорива» [Жданов: 160].

В целом, по сравнению с левшинским текстом, степень сакральности киевского топоса в ждановском тексте снижена. Например,

Киево-Братский монастырь вовсе упоминается в связи с рядом стоящей академией, образ которой отмечен через связь не со святостью, а просвещением: «в середине» Подола «Киево-братский монастырь с академией, которой одолжены своим образованием столь много ученых в нашем отечестве» [Жданов: 157]. То же можно сказать и относительно локуса лаврской библиотеки, имеющей «многие древние книги и редкие рукописи» [Жданов: 154]. Лаврская же колокольня оценивается как эстетический объект «прекраснейшей архитектуры», «одно из произведений знаменитого Растрелли» [Жданов: 154]. Если Жданов в ее описании занимается прозаическим сравнением ее высоты с другими высотными объектами Российской империи («Вышина колокольни 301 фут, или 43 сажени, следовательно, она выше Ивана Великого 76 и ниже Петропавловского шпиля 39 футами» [Жданов: 154]), то Левшин, поднявшись на ее верх, предается сакрально-онирическому визионерству: «...я не был занят земным. Душа моя парила под облаками и возносилась до жилищ горних» [Левшин: 133].

Больше Левшина Жданов старается задать рациональный план устройства современного, в том числе «повседневного» города: «Киев разделяется на три отдельные части: Печерскую, Старый город и Подол. Печерская, самая южная часть города и низшая по течению Днепра, очень дурно отстроена. В этой части запрещено теперь строить новые и чинить старые дома, потому что вся она отходит под крепостную эспланаду...» [Жданов: 150]. Также задан мотив масштабности пространства Киева, сопоставляемого с Москвой: «По обширности своей, Киев напоминает белокаменную матушку-Москву» [Жданов: 161].

Несколько подробнее Левшина Жданов описывает сферу повседневного (несакрального) Киева. К его локусам относится находящийся напротив лавры арсенал, окруженный «красивыми пирамидами» из «бомб и картечи» и «группами стоячих пушек» «по углам» [Жданов: 154]. Достаточно подробно, но сухо изображено устройство «бывшего дворца», превращенного в «заведение искусственных минеральных вод» [Жданов: 155], и сада при нем. Кроме того, в киевском пространстве выделены административно-хозяйственные локусы: «лучшее здание в городе», где находятся присутственные места [Жданов: 154], «Биржа, или контрактный дом, — обширное и красивое здание, в котором каждый год в январе месяце собирается множество купцов, по-

мещиков и капиталистов, для совершения разных сделок по торговым и хозяйственным делам», «особый гостиный двор» и торговая площадь [Жданов: 157]. В целом, повседневное пространство Киева, за исключением дороговизны жизни, охарактеризовано положительно и даже сближено по своим свойствам со столичным (непровинциальным): «В Киеве весьма приятно жить: общество очень хорошее, образованное. Я был на двух балах, которые поистине мало чем уступают столичным лучшего круга» [Жданов: 161]. Впрочем, в другом месте текста автор упрекает местную аристократию в непросвещенном хозяйствовании: помещики «туземные одно только знают — курить горелку и поить ею простодушных поселян» [Жданов: 162].

Пространство Черниговской губернии описано Ждановым меньше, чем в левшинском тексте, как в плане количества топонимов, так и подробности их репрезентации, т. е. оно во многом семиотически «пустое». Так, образ Козельца представляет собой, по сути, «нулевое описание»: «Город... мы проехали ночью, в дождь, и я ничего не могу сказать о нем; да, вероятно бы, столько же сказал, если бы и видел» [Жданов: 164]. В целом, как и Левшиным, Ждановым отмечено наличие песчаных ландшафтов Черниговщины: «Дорога до самого Чернигова большею частью песчаная...» [Жданов: 164].

Пространство исторической памяти также представлено здесь слабее, чем при репрезентации Полтавской и Киевской губерний. Селение Лемяши маркировано в тексте как место рождения «знаменитого Разумовского» [Жданов: 165], В Седневе, «первой станции от Чернигова к Могилеву», пространство исторической памяти представлено, во-первых, локусом многочисленных «могил (курганов), напоминающих о бывших здесь... битвах между Русскими и Татарами», а во-вторых, сюжетом исторического анекдота о происхождении топонима: русские «отсиделись» за возами от напавших татар [Жданов: 169].

Образ Чернигова построен на остранении, контрасте между ожиданиями автора и наблюдаемым им пространством, а также между исторической и современно-повседневной его значимостью: «Судя по трем большим каменным церквям, далеко одна от другой стоящим, я полагал, что город должен быть большой; въехав же в него, увидел, что он очень невелик <...> Никак не ожидал я найти в таком бедном положении один из древнейших городов в России (он основан в X веке), который имел своих удельных князей» [Жданов: 165–166]. Соответственно,

топос характеризуется негативными мотивами маломасштабности и малонаселенности/пустоты, визуальной непривлекательности, неупорядоченности, бедности¹: «Хороших строений в Чернигове совсем нет; дома большею частью деревянные, низенькие, улицы немощенные, песчаные. <...> он совершенно пуст и более похож на уездный, чем на губернский город: не видно ни экипажей, ни людей...»² [Жданов: 166]. Помимо упоминания о древности и статусе столицы удельного княжества, историческое пространство Чернигова маркировано весьма слабо, общими фразами.

Кроме того, в целом охарактеризована хозяйственная сфера Черниговщины, сконцентрированная в первую очередь на производстве водки, из-за чего «леса в губернии год от году приходят в худшее состояние: винокурни чрезвычайно много потребляют лесного материала»³ [Жданов: 169], а также на выращивании табака (в Сосницком, Нежинском, Борзенском и Конотопском уездах) [Жданов: 167], «скотоводстве, пчеловодстве и садоводстве», которые здесь «в довольно хорошем состоянии» [Жданов: 168].

Таким образом, юго-западное лиминальное (провинциальное) пространство Российской империи в тексте представлено тремя основными локальными вариантами. Это репрезентации, во-первых, Харьковской губернии, во-вторых, Екатеринославской губернии как

¹ В левшинском тексте образу Чернигова свойственна бóльшая амбивалентность: с одной стороны, «его строение» «изрядное», с другой — автор «Писем...», как и Жданов, отмечает в городе «пустоту и малолюдство»: «Общество дворян, живущих в Чернигове очень невелико, а купечество чрезвычайно бедно» [Левшин: 139].

² Также в ждановском и левшинском текстах малороссийское пространство определено элементом еврейскости. В первом случае это касается конкретно топоса Чернигова, где нарратор не встретил никого, кроме евреев, «овладевших всеми лавочками, меняльными столиками и прочими промыслами» [Жданов: 166]. Левшин же распространяет еврейскость на всю территорию Малороссии, замечая, что та у евреев «на откупе» [Левшин: 152].

³ За двадцать с лишним лет до ждановской поездки Левшин замечает также в контексте распространенности винокурения в Малороссии, что «Черниговская Губерния, которая в теперешнем изобилии не чувствует, сколь драгоценен лес, множеством оных [винокурен — авт.] отличается во всей России» [Левшин: 199].

Новороссии, в-третьих, Полтавской, Киевской и Черниговской губерний как Малороссии. Кроме того, эпизодически упомянуты территории Таврической губернии и Земли войска Донского. Разумеется, формальное административно-территориальное членение не в полной мере соответствует семиотической дифференциации топосов в ждановском тексте, предполагающем «переходные» зоны между тремя вышеуказанными вариантами в рамках общего лиминального пространства. При этом его характеристика в травелоге осуществлена в рамках трех сфер: хозяйственной, повседневно-бытовой (тесно переплетенной с образовательной) и исторической. Особенностью ждановских «Путевых заметок...» является ключевой характер первой сферы при ослабленной выраженности третьей, что составляет яркий контраст, например, с левшинским малороссийским текстом.

В целом, пространственная лиминальность, наблюдаемая в травелоге Жданова, связана с комплексом мотивов новизны, дикости/неустроенности, неупорядоченности, малолюдности, а также устремленной в будущее проектности, которые преломляются и накладываются друг на друга в репрезентации выше заявленных локальных вариантов. Так, в пространстве Харьковской губернии мотив дикости актуализирован в локусах лесов, маркированных образами диких плодовых деревьев, что, с одной стороны, «провоцирует» мотив окультуривания как освоения пространства, а с другой — способствует до некоторой степени контаминации образов дикого леса и демиприродного сада¹.

Гораздо в большей степени мотивы новизны и дикости свойственны топосу Екатеринославской губернии, что определяет Новороссию как пространство фронта. Это касается неосвоенных, испытывающих недостаток в воде, людях, ряде ресурсов степных локусов,

¹ Сад как тип пространства амбивалентен и имеет два вектора «дрейфа» образа, что подчеркнуто В. Н. Топоровым: с одной стороны, при тенденции к упорядочиванию, снижению энтропии, образ сада может сливаться с образом дома, восходя к мифологеме Эдема, с другой — при «возрастании энтропии» [Топоров: 303] образ сада сближается с природно-хаотическим элементом, который может быть представлен образом дикого леса, опасного, неантропного локуса. Конечно, ждановский текст, весьма далекий от мифопоэтики, тем не менее маркирован рационалистической идеей прогресса, а значит, снижения энтропии, окультуривания дикого начала.

покрытых травами и бурьяном, сопротивляющихся усилиям косарей, но также речного локуса Северного Донца, судоходство по которому затруднено. Это богатая потенциями земля, проектное, устремленное в будущее место роста упорядоченности, а также населения, капиталов и т. п. Кроме того, данное пространство маркировано различными экспериментами по селекции растений и скота, бурению скважин с водой, применению новых способов хозяйствования и орудий производства. В этом плане значительное место в тексте занимает топос Луганска, наиболее подробно описанный по сравнению с прочими городами в рамках хозяйственной сферы Новороссии и представленный двумя локусами — литейного завода и казенной фермы, ставящей эксперименты по внедрению новых сортов сельскохозяйственных культур и способов земледелия. Неудивительно также, что фронтальный топос тесно связан с мотивом колонизации, как отечественной, так и иностранной. Инонациональный элемент сильно выражен в новороссийском пространстве, прежде всего в хозяйственной сфере. Также Новороссия маркирована еврейскостью, что роднит ее с Малороссией и противопоставляет Харьковской губернии. Наконец, в репрезентации Новороссии отмечен редкий для травелога «прорыв» в онирическое пространство (в рамках речной прогулки, т. е. попадания в относительно «дикий» локус), пронизанное романтической мифопоэтикой (образы разбойников, дикарей-кочевников, привидений).

Что касается пространства Малороссии, то оно гетерогенно. Константиноградский уезд Полтавской губернии по выраженности мотивов неосвоенности, малолюдности в большей степени походит на репрезентацию новороссийских топосов, в то время как остальная часть Полтавщины, а также Черниговщина изображены слабо затронутыми развитием, не маркированы мотивом новизны. Пространство Черниговской губернии при этом отличается большей энтропийностью, выраженной через негативные мотивы бедности, маломасштабности, малолюдности, малозначимости. Вообще, Черниговщина наименее подробно изображена в ждановском тексте. С другой стороны, в репрезентации Полтавщины менее выражена хозяйственная сфера, которая в травелоге является, как правило, основной при актуализации мотива освоения пространства. Образ Киевской губернии в этом смысле противопоставлен образам Полтавщины и Черниговщины, связан с мотивом обновления, который проявлен прежде всего в то-

посе самого Киева и его окрестностей. Мотив обновления выражается в образах новых строящихся локусов дороги на пути в город и домов в его рамках (в том числе локуса университета). Также изменение образа трудной/опасной дороги в Киев (на броварском участке) связано с уничтожением дикого локуса леса, связанного в прошлом с маргинальным образом разбойников. При этом хозяйственная сфера Киевщины (за пределами самого Киева) изображена скорее в негативном ключе: здесь, как и по всей остальной Малороссии, слишком большое внимание уделяется винокурению в ущерб новым формам и методам хозяйствования. В то же время в полтавско-киевском пространстве упоминаются маркированные упорядоченностью и привлекательностью имения большой аристократии.

Специфична ждановская репрезентация и по отношению к *loci communes* «южнорусского» текста русской литературы начала XIX в. — к образу Малороссии и вообще лиминальной «полуденной России» как идиллическому изобильному топосу, тесно связанному с аркадской мифопоэтикой. С одной стороны, Жданов действительно наделяет описываемое им пространство семантикой плодородного Юга. С другой — идиллическое начало оказывается фактически вытесненным функционально-рациональным элементом, подавляющим сентименталистский нарратив в пользу нейтрально-фактографического повествования. Также через описание хозяйственной сферы лейтмотивом является ужесточение климата «полуденной России». Подвергнутая смысловой «эрозии» идилличность, пожалуй, в наибольшей степени сохраняется в репрезентации Изюмского уезда и Полтавы.

Пространство исторической памяти весьма неравномерно представлено в трех анализируемых локальных вариантах. В рамках Харьковщины и Новороссии историчность практически отсутствует, если не считать описания губернской столицы, Екатеринослава, связанного с образами Екатерины II и Потемкина. Зато в пространстве Малороссии исторический элемент составляет важную, хотя и не столь экспрессивную, как и у Левшина, сферу изображения. При этом полтавские локусы (Константиноград, Лубны) в основном (за исключением Переяславля) связаны с крайне значимым для автора образом Петра, которому присвоен мифопоэтический статус «земного бога». Особо выделим репрезентацию Полтавы, проникнутую «петровской» образностью и наиболее приближенную, насколько это возможно

в рациональном ждановском повествовании, к сентименталистскому сверхэмоциональному нарративу. Переяславль же, Киев, Чернигов (и, вероятно, Седнев) маркированы связью с древнерусской историей, поданной, впрочем, в несколько отстраненной и остраненной (образ маргинально-разбойничьего и одновременно сакрального Киева) манере. Черниговские Лемяши связаны с образом другого екатерининского фаворита, Разумовского.

Что касается повседневно-бытового слоя, то большинство южно-русских городов в тексте отличаются тихой, порой скучной провинциальностью, включая губернские Екатеринослав, Полтаву и Чернигов, слабо отличающиеся от уездных топосов. На их фоне выделены Харьков как образовательный центр Юга России и Киев как образовательный и экономический центр. Образ последнего по масштабности, дороговизне жизни и уровню развлечений сближен со столичными образами Москвы/Петербурга.

Список литературы

Источники

Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822–1899) / Публ. Е. М. Аксененко // Ежегодник Рукописного отдела на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 344–365.

Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской. СПб.: Изд. В. Полякова, 1843. 212 с.

Левшин А. Письма из Малороссии. Харьков: Университетская тип., 1816. 206 с.

Исследования

Анненкова Е. И., Гоперхоева Д. Р. Мотив «...проездиться по России» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя и путевых записках 1840-х гг.: травелог в школьном и вузовском обучении // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 195. С. 164–174. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-195-164-174>

Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 376 с.

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту, 2010. 2010 с.

С. С. Жданов. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова)

Васильева Т. А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.

Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 20–42.

Кублицкая О. В. Структура пространства в прозе массового сентиментализма (на материале «Писем из Малороссии» А. И. Левшина) // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXVIII Международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 112–117.

Крюкова О. С. Романтический образ Украины в русской литературе XIX века. М.: Наука, 2017. 125 с.

Марчуков А. В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М.: Регнум, 2011. 294 с.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Документальность травелога и способы обобщения (по материалам Тверского Верхневолжья) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 1. С. 66–79.

Никанорова Е. И. «Особый город»: образ Нижнего Новгорода в «Путевых записках по России» М. П. Жданова // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2021. С. 48–53.

Сторожева А. А. Образ степи в сентиментальных травелогах начала XIX века // Литература Древней Руси и Нового времени: материалы XI всероссийской конференции. М.: МПГУ, 2021. С. 155–161.

Топоров В. Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья // Облик слова. М.: Русские словари, 1997. С. 290–318.

References

Annenkova, E. I., and D. R. Goperkhoeva. "Motiv '...proezdits'ia po Rossii' v 'Vybrannykh mestakh iz perepiski s druž'iami' N. V. Gogolia i putevykh zapiskakh 1840-kh gg.: travelog v shkolnom i vuzovskom obuchenii'" ["Motif '...Travel Through Russia' in 'Selected Parts from Letters to Friends' by N. V. Gogol and Travel Notes of the 1840s: Travelogue in the School and University Education"]. *Izvestiia Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni A. I. Gertsena*, no. 195, 2020, pp. 164–174. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-195-164-174> (In Russ.)

Bashliar, G. *Izbrannoe: Poetika prostranstva [Selected Works: Space Poetics]*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2004. 376 p. (In Russ.)

Bulkina, I. *Kiev v russkoi literature pervoi treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe [Kiev in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: History and Literature Space: DSc Dissertation]*. Tartu, 2010. 213 p. (In Russ.)

Vasil'eva, T. A. *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiiskoi slovesnosti kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka [At the Origins of Ukrainophilia: Image of the Ukraine in Russian Literature of the End of the 18th – the First Quarter of the 19th Century: PhD Dissertation]*. Tomsk, 2014. 232 p. (In Russ.)

Kiselev, V. S., and T. A. Vasileva. "Pod otechestvennym nebom stranstvuiu s mirnoiui dushoiu': obraz Ukrainy v russkikh travelogakh nachala XIX v. (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin)" ["Under the Fatherland Sky, I Travel with the Peaceful Soul': Ukraine Images in Russian Travelogues of the Early 19th Century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin)"]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 2, 2015, pp. 20–42. (In Russ.)

Kublitskaia, O. V. "Struktura prostranstva v proze massovogo sentimentalizma (na materiale 'Pisem iz Malorossii' A. I. Levshina)" ["Space Structure in the Prose of the Mass Sentimentalism (Based on 'Letters from Little Russia by A. I. Levshin)']. *Pushkinskie chteniia – 2023. Khudozhestvenne strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst [Pushkin Readings – 2023. Fiction Strategies of Classic and New Literature: Genre, Author, Text]*. St. Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina Publ., 2023, pp. 112–117. (In Russ.)

Kriukova, O. S. *Romatcheskii obraz Ukrainy v russkoi literature XIX veka [Romantic Image of Ukraine in Russian Literature of the 19th Century]*. Moscow, Nauka Publ., 2017. 125 p. (In Russ.)

Marchukov, A. V. *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolai Gogol' i ego vremia [Ukraine Image in Russian Mind. Nikolay Gogol and His Time]*. Moscow, Regnum Publ., 2011. 294 p. (In Russ.)

Miliugina, E. G., and M. V. Stroganov. "Dokumental'nost' traveloga i sposoby obobshcheniia (po materialam Tverskogo Verkhnevolzh'ia)" ["Documentality of the Travelogue and Methods of Generalization (Based on Materials of the Tver Upper Volga Region)"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki*, vol. 158, no. 1, 2016, pp. 66–79. (In Russ.)

Nikanorova, E. I. "Osobyi gorod': obraz Nizhnego Novgoroda v 'Putevykh zapiskakh po Rossii' M. P. Zhdanova" ["Special City': Image of Nizhny Novgorod in 'Travel

Русская литература XVIII–XIX столетий

С. С. Жданов. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова)

Notes Through Russia' by M. P. Zhdanov"]. *Nizhegorodskii tekst russkoi slovesnosti: khudozhestvennoe postizhenie natsional'noi mental'nosti* [Nizhny Novgorod Text of Russian Literature: Artistic Comprehension of the National Mentality]. Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogica University Publ., 2021, pp. 48–53. (In Russ.)

Storozheva, A. A. "Obraz stepi v sentimental'nykh travelogakh nachala XIX veka" ["Image of Steppe in Sentimentalism Travelogues of the Early 19th Century"]. *Literatura Drevnei Rusi i Novogo vremeni* [Literature of Old Russia and New Times]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2021, pp. 155–161. (In Russ.)

Toporov, V. N. "Vetkhii dom i dikii sad: obraz utrachennogo schast'ia" ["Wrecked House and Wild Garden: Image of the Lost Happiness"]. *Oblik slova* [Appearance of the Word]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 290–318. (In Russ.)